

ПО ВОЛНЕ МОЕЙ ПАМЯТИ...

Для сегодняшнего поколения та война – понятие очень отдаленное от реальной жизни. Ведь о том, как была завоевана победа в Великой Отечественной, потомки победителей сегодня могут узнать лишь из книг и кинолент. Но самые ценные для нас свидетельства – это живые воспоминания политехников-ветеранов. Здесь нет художественного домысла, нет политической конъюнктуры. Одна лишь выстраданная правда. Для каждого из них война запомнилась разной палитрой бед и невзгод, нечеловеческими испытаниями.

Фронтвики, подпольщики и партизаны, работники тыла и дети войны – это их сегодняшние воспоминания.

***Ростислав Павлович ГЕРАСИМЯК.** О таких ветеранах, как он, сегодня принято говорить: «дети войны». Они слишком рано повзрослели, сменив школьные парты на равную с взрослыми работу по обороне Одессы; вместо арифметики постигая грамоту выживания в оккупации.*

Отечественную войну Ростислав Павлович встретил в Одессе третьекласником. Во время осады города, как и все школьники в августе-октябре 1941 года, вместе со старшей сестрой участвовал в строительстве баррикад.

«МЫ ВЕРНЕМСЯ, ТОВАРИЩИ»

- Как сейчас помню угол улиц 1905 года (Тираспольской) и Комсомольской (Старопортофранковской), - вспоминает Ростислав Герасимьяк. - Здесь мы наполняли мешки землей, взятой тут же, под вырытыми булыжниками, и устанавливали их поперек улицы; в некоторых местах помогали также располагать и «ежи» - сваренные крест-накрест рейки железнодорожного и трамвайного полотна. Между ними оставался только узкий проход для временного проезда транспорта, который предполагалось закрыть перед самым наступлением вражеских войск.

Все эти 70 дней город подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбардировкам, особенно ночью. Спали мы в подвалах, переоборудованных под ночлежки.

Как известно, баррикады не понадобились, так как к середине октября фронт ушел далеко на Восток, и удерживать Одессу не было смысла – войска требовались на других, более важных участках фронта, в особенности – в Севастополе.

Я помню как, отступая вечером 14 октября, красноармейцы, разъезжали по городу на машинах и разбрасывали листовки, в которых писалось о временном вынужденном уходе из Одессы, но там же были заверения, что «Мы вернемся, товарищи».

А уже 15 октября в Одессе был «день без власти»: наши войска и руководство города тайно (в основном ночью) погружались на последние транспорты, а румынские войска, не веря, что Красная Армия покинула позиции, не решались заходить в город. Продовольственные склады были открыты для населения, что помогло многим жителям выжить в первые месяцы оккупации. Только во второй половине дня 16 октября румыны с винтовками наперевес на грузовиках появились на улицах. Так и началась румыно-германская оккупация Одессы.

За это время я был свидетелем захвата на улицах заложников – молодых мужчин и старших юношей, которые, как правило, не возвращались домой; запомнились ужасные картины на улицах - вереницы еврейских семей, которых сначала гнали для регистрации, а затем повторно в гетто – уже навсегда.

Особенно напряженно складывалась ситуация в последние месяцы оккупации, когда всю власть в городе взяли отступавшие немцы, потеснив румынское руководство. И потому понятно, каким радостным был весенний день, когда ранним утром 10 апреля 1944 года мы увидели наших воинов, стройными рядами идущих по Комсомольской улице, со стороны Пересыпи, с Николаевской дороги.

Уже 20 апреля открылись школы и мы, ребятня, поспешили записываться в какой-то класс... Кстати, именно это и было трудно определить. Никаких документов об обучении в начальной школе или в гимназии ни у кого не было. Поэтому начали заниматься в том классе, на который претендовал ученик, а по результатам 1,5-месячного обучения определялся возможный класс на 1944/45 учебный год.

Летом 1944 года все ученики седьмого класса и старше направлялись в колхозы на сельхозработы. Нашу школу в июле направили в Гайворонский район (тогда – Одесской обл.). Я с несколькими «недостаточно взрослыми» ребятами работал в саду на уборке фруктов, подготавливал их к консервированию, собирал огурцы, табак, готовил его к сушке. С непривычки было трудно, особенно на первых порах, однако руководители колхоза нас ободряли: «Ведь все это для Красной Армии». Летние полевые работы растянулись до середины сентября. В Одессу мы вернулись 20 сентября, а с 1 октября я начал учиться в седьмом классе мужской школы № 107.

***Виктор Иванович КОВАЛЕНКО**, полковник в отставке, прошел войну, что говорится, «от и до». После окончания средней школы в г. Сумы, был призван в армию, откуда и поступил в военное училище. В декабре 1941 года был направлен в г. Бузулук Уральского военного округа, где формировалась 200 дивизия. В феврале 1942 года дивизия отправилась на фронт. С этого момента для Виктора Ивановича война приобрела реальный смысл.*

ГЕОГРАФИЯ ПОБЕДЫ

- Начавшийся 1942 год, - вспоминает фронтовик, - сулил много нового. После разгрома гитлеровцев под Москвой, ожидалось новые перемены на Северо-Западном фронте, главной целью которого было освободить Ленинград от блокады. Не затихая, шли бои на ближних подступах к Старой Руси. Их вели наши соседи, образуя по отношению к окруженной группировке внешний обвод фронта. Главные силы наших войск, в том числе и частей нашей 200 дивизии, были сосредоточены на внутреннем обводе, на сжатии кольца вокруг окружённых немецких соединений.

Первая награда

Наша цель была уже близка. До вершины населенного пункта оставалось 150-200 метров. Противник молчал. Наша артиллерия перенесла огонь на обратные скаты. Вот тут враг и заговорил. Он обрушил на нас шквал огня, сковал и заставил зарыться в снег, атака захлебнулась.

До самого вечера мы с командиром полка ползали по снегу, чтобы нащупать в обороне противника слабое место. Определившись с направлением, сюда мы и решили направить роту лыжников, которая была в моем резерве. Ей предстояло совершить сложный и опасный маневр.

Ночная атака была успешной. Опорный пункт противника взяли всего за 30 минут и с незначительными потерями. Кроме того, мы захватили двух пленных. Этот бой принес мне первую награду - медаль «За отвагу».

На воде и сухарях

Наступала весна, которая принесла с собой много новых осложнений, главная из них – бездорожье. На железнодорожных станциях скопилось много грузов, которые невозможно было доставить в части. Войска перешли на голодный поек. Люди слабели. Отпуск фуража конскому поголовью прекратился вовсе. Начался падеж лошадей. Людям приходилось использовать конину для питания, собирать клюкву, а получали по 2 -3 сухаря в сутки.

Спешно строились деревянные колеиные дороги, что требовало длительного времени. Начали готовить площадки для приема груза, обозначая их кострами для прилетов самолетов «У-2».

Огонь на фронте еле-еле поддерживался, боеприпасы не пополнялись. Суточная норма расхода боеприпасов составляла всего 5 патронов на винтовку, 50 на пулемет, а на целый артполк - только 30 снарядов.

У противника, чувствовалось, дела обстояли не лучше. В начале гитлеровцы проявляли активность, а потом тоже стали экономить снаряды, и чаще даже на нашу стрельбу отмалчивались.

Чтобы сохранить поголовье лошадей, ездové сдирали с крыш уцелевших домов полусгнившую солому, собирали хвою, варили все это в ведрах и подкармливали лошадей. После продолжительной паузы начались наступательные бои у стен «рамушевского коридора». Резервов у дивизии уже не было, трудно было бороться с контратаками. Были сложности и с эвакуацией раненых: кто мог - шли пешком до медсанбата и полевого госпиталя. Плохо было тяжело раненым - не получив надлежащей помощи, они умирали, фактически, на наших глазах. Если бы кто знал, какая это боль – видеть, что твой боевой друг угасает, и ты не в силах ему помочь!...

Грамота Верховного

...Перевес в войне был уже на нашей стороне. Для обеспечения стремительности продвижения наших войск, создавались подвижные группы из танковых, моторизованных частей и пехоты. Задача этих групп состояла в том, чтоб нарастить общий удар своим стремительным продвижением на глубину обороны противника, дезорганизуя и уничтожая его по частям, не давая возможности организовать сопротивление на новых оборонительных рубежах. В составе такой подвижной группы был и наш 648 полк. Наступление частей дивизии началось в середине июля на большом участке реки Сорьянка, а уже 17 июля 648 полк форсировал реку с ходу и начал преследование противника. В ходе боев части нашей 200 дивизии участвовали в освобождении городов Идрицы, Опочка, Себеж и др. населенных пунктов; от гитлеровских захватчиков была полностью очищена территория Калининской области – древней Тверской земли. К тому времени наш 648 полк уже перехватил железную дорогу Даугавпилс-Псков.

Гитлеровцы сделали попытку дать бой на дальних подступах к Даугавпилсу, заранее подготовив рубеж обороны. Авиация группами по 10-15 самолетов - «Мессершмит-109» и «Фоке-Вульф-190» - расстреливала с воздуха и бомбила боевые порядки частей дивизии.

Противодействие противника свело к минимуму продвижение и других частей дивизии и соседей. Перелом боев произошел, когда наша разведка перехватила сообщение начальника гарнизона Даугавпилса в штаб группы армий «Север». В шифровке, по меньшей мере, в 10 раз преувеличивались наши силы, наступавшие на Даугавпилс. Чтобы упредить передислокацию противника, было принято решение штурмовать город немедленно.

27 июля Даугавпилс был полностью освобожден. Город был сильно разрушен, целые кварталы были охвачены пожаром, мосты на подступах к городу были взорваны. Только за 6 месяцев своего хозяйствования в городе, эсесовцы расстреляли и замучили более 20000 человек. Когда мы вошли в город, жителей было очень мало, они скрывались по окрестным хуторам.

Войскам, участвующим в освобождении города Даугавпилса, Приказом Верховного главнокомандующего от 27 июля 1944 года объявлена

благодарность и в Москве был дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

О тех тяжелых и кровопролитных боях мне напоминает Грамота от Верховного Главнокомандующего «Участнику боев за овладение города Даугавпилс (Двинск)» и орденом «Отечественной войны» 1-й степени.

Сила русской тактики

Наш полк, освободив от фашистов более десятка населенных пунктов, прошел с боями в течение 20 дней около 50 км и вышел к Лубанской низменности, представляющей собой огромный массив сплошных и почти непроходимых болот.

Со всех сторон с дальних возвышенностей в озеро Лубано стекают около десятка речек. Немцы были убеждены: здесь никому и никогда не будет прохода.

И действительно, история войн мало знает случаев, чтобы такая лесисто-болотистая преграда, таящая смерть на каждом метре, была преодолена войсками в сопровождении техники и тяжелого вооружения.

Несмотря на сухое лето, болота, прилегающее к озеру Лубано не просыхали. По болотам и лесным тропам с большим трудом могла пройти только пехота с лёгким вооружением. Стоило сделать шаг в сторону, и человек оказывался по колено в трясине.

Помнится, пленный германский офицер 26-го пехотного полка 13 дивизии, которого наш батальон взял в плен в этой операции, говорил: «Сила русской тактики является в обходе. Просто невероятно, как русские в условиях такого бездорожья и болотистой местности могли зайти в тыл наших позиций, да еще с тяжелым вооружением».

Не понимал фриц, что наш солдат готов на все ради победы!

А было все так. Впереди шли разведчики с отделением саперов, вооруженных пилами и топорами, затем колонной по два, а часто и по одному шли автоматчики, за ними - пулеметчики и минометчики.

Те, кто шел впереди, делали из ивняка и березняка настилы, а на ручьях и ручейках валили деревья - по ним и преодолевали препятствия минометчики. Это был нечеловеческий труд, но он окупился сторицей.

В середине августа 1944 г. на рассвете, выйдя глубоко в тыл противника, батальон уничтожил на противоположном берегу боевое охранение и вышел к реке Айвиексте. Когда рассвело, мы были уже на противоположном левом берегу, овладев плацдармом и рокадной дорогой, идущей вдоль реки и заняв оборону в глубоком тылу у немцев, обеспечили выход всего полка на рубеж реки Айвиексте.

Командир полка, находясь еще в 20-25 км от реки, побеспокоился о поддержке батальона боеприпасами и продовольствием. И где-то в первой половине дня появился самолет ПО-2, и с небольшой высоты сбросил нам несколько ящиков с боеприпасами и провиантом. Нашей радости не было предела, так как уже ни того, ни другого, практически, в батальоне не оставалось.

Во второй половине дня противник нас обнаружил и с высот в 2-3 км от реки стал обстреливать минометным огнем. Но мы к этому времени уже оборудовали огневые позиции и отрыли спасительные окопы. Немцы, уверенные, что от батальона ничего не осталось, выдвинул колонну машин к нашим позициям. Выждав время и подпустив транспорт поближе, батальон внезапным и прицельным огнем уничтожил восемь машин вместе с живой силой. Восемь человек сдались в плен, а трофейная машина с кухней и горячей пищей нам очень пригодилась. С нашей же стороны потерей не было, только два бойца получили легкие осколочные ранения.

На следующее утро 1944 года подошли главные силы полка, и наши части двинулись преследовать противника к берегам Балтийского моря.

Многие мои однополчане были отмечены за эти бои орденами и медалями, а мои награды пополнил орден Боевого Красного Знамени. Правда вот, выйти на берег Балтийского моря и участвовать в уничтожении прижатой к морю Курлянской группировки немцев мне не довелось. 17 октября 1944 года под Латвийским городом Добеле я был ранен.

Крепкий орешек

После ранения я попал в госпиталь в городе Себеж. Лечение слепого осколочного ранения в левую ногу завершилось успешно. И во второй половине декабря 1944 года, узнав новости от поступающих раненых, я решил самостоятельно разыскивать свою дивизию, которая перемещалась в Данциг. Где на санитарных поездах, где автотранспортом, где пешком и на перекладных я быстро добрался до района сосредоточения частей своей дивизии, которая была расположена в полосе густых лесов (везло же нам на леса!). Наконец я в своем 648 полку! Радостные объятия с однополчанами, фронтовые сто грамм за майорские погоны (звание присвоили еще до ранения, но традиция есть традиция - звездочки обмыть полагается)! Что ж, и на войне были свои праздники...

Шел февраль 1945 года, дивизия готовилась к ведению боя за овладение Данцигской бухтой, где расположены рядом города Гдыня, Цопот, Данциг. Фактически, они слились в один большой город - опорный пункт. Во время войны эти укрепленные города-порты с верфями и поддержкой со стороны моря военно-морским флотом, представляли собой довольно крепкий орешек. Немцы рассчитывали, что им удастся сковать значительные силы наших войск. Наступление началось с мощной авиационной и артиллерийской поддержки. Сотни бомбардировщиков висели на разных высотах над позициями противника, и в борьбе с военно-морским флотом противника, который пытался своим огнем преградить путь нашим войскам и танкам.

Бои за Данциг носили ожесточенный характер. Каждый дом представлял собой укрепленный узел, напичканный пулеметами, противотанковыми ружьями, пушками - в подъездах домов; на перекрестках улиц - танками. В стенах домов пробиты амбразуры, из них били крупнокалиберные пулеметы, фаустники. За день мы продвигались, в лучшем случае, до сотни метров. От взрывов снарядов и бомб, гула самолетов, танков, залпов «Катюш» земля, казалось, вот-вот разверзнется!

Бои за центр города продолжались до конца марта. И лишь утром 30 марта 1945 года наши войска вышли на Мертвую Вислу. Данциг остался позади.

На Берлин!

Предстоящая битва на подступах к Берлину была особой. Личный состав дивизии, прошедший путь от западных рубежей Родины, Прибалтику, Польшу, умудренной опытом боев, горел желанием быстрее добить врага в его логове.

Часть войск осталась для уничтожения разрозненных групп противника, а вся масса быстрыми темпами на технике двинулась в район сосредоточения к реке Одер (около 500 машин). Другая часть войск двигалась пешим порядком. Тяжелая техника, в основном, перебрасывалась по железной дороге. Марши совершали по ночам, днем все маскировалось.

В людях чувствовался подъем: оживленные, веселые и уверенные в своих силах, готовые к решающим схваткам с врагом.

Каждая дивизия шла по своей дороге. Хорошие немецкие шоссе нас выручали. К середине апреля развертывалась великая битва за Берлин.

Наша 200-я дивизия наступала на левом крыле 2-го Белорусского фронта, обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта с севера и ликвидацию вражеских контрударов.

1-й Украинский и 1-й Белорусский фронты замкнули кольцо окружения вокруг Берлина. 27 апреля наступление продолжалось, скорость продвижения частей дивизий достигала 25-30 км в сутки. Незначительно сдерживало только то, что иногда части нашей дивизии сталкивались с резервами противника, выдвинутыми им в лесисто-озерный район Нойштерлиц, Варен, Фюрстенберг. С одной из таких групп пришлось встретиться и моему батальону. При крутом подъеме на гору мы, буквально, лоб в лоб столкнулись с группой немцев до 100-150 человек, которые остановились на привал.

Что тут думать! В секунды развернули четыре орудия и с ходу прямой наводкой по врагу – огонь! Не успел рассеяться дым взрывов, наш батальон ринулся в рукопашную.

Как сложилась в дальнейшем судьба двух пленных фашистов (все, что осталось от вражеской группы после встречи с нами) не знаю. Мне же о том скоротечном бое напоминает орден «Отечественной войны» 2-й степени.

...5 мая мы вышли к реке Эльба в районе Виттенберга, где встретились с войсками союзников. Весна 1945 года, самая прекрасная весна моего поколения, щедро дарила победителям свои цветы...

Война. Сколько жизней унесла она, по скольким судьбам прошла, оставляя свой страшный кровавый след.

Очевидцам вспоминать о ней всегда больно. Больно потому, что это очень страшная правда о нечеловеческих страданиях.

*Истина о войне складывается из различных правд. Она у каждого своя. Для **Олимпиады Константиновны КРОПИВЯНСКОЙ** правда о той войне связана с блокадным Ленинградом.*

«ЛЕНИНГРАД, ЛЕНИНГРАД, Я ЕЩЕ НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ...»

- Вот уже 65 лет прошло, как закончилась Великая Отечественная война. Но эхо ее живет во мне до сих пор. Как бы сложилась моя жизнь, если бы ее, войны, не было?

Первый класс я закончила в Ленинграде. Так бы и дальше, но началась война.

В первые дни мы, дети, еще не осознавали всего ужаса, который нам придется пережить. Ведь что мы знали о войне? Разве что рисовалась она в играх, когда после Карело-Финской войны мы играли в «войнушку», мальчишки бегали с самодельными деревянными винтовками и пистолетами в соседний двор; мы, девочки, делали им «перевязки».

И вот выдумки сменились реальностью.

Никто не мог предполагать, что после вторжения немцы так быстро окажутся у стен Ленинграда, а через полгода каждый третий его житель умрет страшной смертью от истощения. Тем более мы, желторотые птенцы, не задумывались о предстоящем. А ведь большинству суждено было в ближайшее время погибнуть от голода и бомбежек.

Сколько лет прошло, но и сейчас ясно помню начало блокады в ночь с 8 на 9 сентября сорок первого года. Содрогалась земля, вздрагивал от взрывов наш дом, в комнатах падала мебель. Улицы осветились вспышками взрывов. Было очень страшно.

Потом мы ходили смотреть на разрушенные дома, от которых отъезжали санитарные машины. На уцелевших стенах висели картины, гитары, стояла изломанная мебель.

Так в 9 лет я и увидела настоящую войну. И наши вчерашние игры в войнушку сменились ежедневным участием в ликвидации результатов бомбежек и артобстрелов. Вместе с соседскими ребятами носили песок и воду на чердак, где постоянно дежурили взрослые. После налетов вражеских самолетов собирали осколки снарядов, хвосты зажигательных бомб. И вновь прятались в бомбоубежище и сидели там до отбоя воздушной тревоги.

В редкие затишья ходили с мамой по магазинам, стояли в очередях, запасаясь какими-то продуктами. Но вскоре продукты в магазинах исчезли, а обстрелы города участились. Особенно было обидно, когда вражеские снаряды и бомбы попадали в магазины и продсклады. К тому времени в Ленинграде уже начинался голод. Когда горели Бабаевские продовольственные склады, зарево от пожаров поднималось до неба и казалось, что горит все, весь город. Сград, треск, вспышки... Мы, дети, смотрели, а взрослые с ужасом говорили,

что теперь совсем нечего будет кушать. Когда пожар утих, то дети постарше и взрослые ходили к пепелищу и набирали землю, пропитанную расплавленным сахаром. Старшая сестра Тамара принесла целый бидончик этой земли, а мама разводила ее водой, отстаивала и давала нам пить.

Тогда мы еще более-менее нормально себя чувствовали. Мы еще могли ходить, двигаться и даже играть с другими детьми. Но когда в семьях блокадников были съедены последние запасы продуктов, а продуктовые нормы по карточкам совсем уменьшились, наступил настоящий голод, который не давал покоя ни днем, ни ночью.

Мы уже никуда не ходили, лежали в холодной комнате, укрывшись какими-то вещами. Папа по состоянию здоровья не был мобилизован, работал на Финляндском вокзале столяром. Он и дома занимался работой, поэтому у нас был столярный клей, из которого мама варила какой-то кисель.

Мы, дети, получали по 125 граммов хлеба на день, взрослым на рабочую карточку давали 150 гр. Мама тщательно резала хлеб на порции и выдавала нам, а мы его прятали в коробочки, а потом отщипывали и сосали крошки, чтобы продлить удовольствие.

От голодной смерти нас спасало еще и мясо лошадей, которое иногда как-то доставали родители на вокзале. Когда мамы дома не было, мы брали потихоньку кусочек соленого мяса и сосали его.

Зима сорок второго была очень тяжелой. Сильные морозы, непрекращающиеся артобстрелы и бомбежка. И голод. Можно было забыться только во сне... Но самое страшное случилось, когда наш папа простыл и заболел. Умер он 9 февраля 1942 года. Из каких-то досок мама с двоюродной сестрой папы сколотили ящик и отвезли в нем отца на кладбище...

Наступила долгожданная весна. Когда появилась первая трава, я со старшей сестрой Тамарой и мамой ездила за город, где собирали траву, мама ее варила, рубила и пекла на олифе лепешки. Иногда она добавляла муку, которую выменивала на вещи. К лепешкам она давала нам соевое молоко, которое выдавали на детские карточки. Это молоко из отжатой сырой сои с ужасным привкусом страшно вспомнить! А сою я и по сей день улавливаю в любом продукте... Вот так, наевшись травяных лепешек, чтобы хоть как-то приглушить чувство голода, мы и ходили с раздутыми животами.

Весной голод понемногу отступил, и снабжение несколько улучшилось. Помню, к 1 мая объявили, что на детские карточки будут давать шоколад и какие-то дополнительные продукты. Мы горели нетерпением, но случилось непоправимое - мама потеряла карточки. Она искала их везде, а потом вспомнила, что была в булочной. Директор булочной оказалась женщиной честной и милосердной, сверив фамилию на забытых карточках и в паспорте, она вернула их маме.

Но были и другие люди. Когда стало тепло, мама поехала в пригород, ей обещали там кое-какие продукты. Мамы не было три дня. Карточки мама доверила Тамаре, чтобы она ходила за готовым обедом в столовую Финляндского вокзала. Взяв, кастрюльки Тамара ушла. На вокзале к ней подошла девочка постарше и, узнав, зачем Тамара пришла, предложила ей

помочь взять обед без очереди, так как мама у нее работает поваром в этой столовой. Сестра отдала девочке карточки и стала ждать, но девочка не выходила. Тамара поняла, что ее обманули. Она шла домой и плакала, что оставила нас без еды, что теперь мы умрем и не дождемся маму...

Как мы выжили, чем кормились, согревались - все сегодня осталось в прошлом. Но одного понять не могу и по сей день. Когда мама вывезла нас в эвакуацию в глухую Сибирь, мне было 10 лет, сестрам 12 и 8, а маме 31. Как она - слабая и истощенная голодом одинокая женщина - смогла защитить нас, сохранить нам жизни? Откуда брали силы тысячи таких же матерей, как и она? Низкий поклон всем мамам Ленинграда, спасшим своих детей...

В августе 1942 года нас эвакуировали по Ладожскому озеру на баржах. Караван судов бомбили, и мы еще раз испытали весь ужас войны.

В Сибирь мы ехали очень долго. Но даже в товарняках на нарах мы чувствовали себя счастливыми – ужас голодной блокады оставался позади.

Поначалу нас привезли в глухое, забытое Богом село. Но и здесь, вдалеке от войны, мы никак не могли наесться. Обязательно после еды еще съедали по кусочку хлеба, припрятывали по карманам его остатки. Новые друзья долго еще дразнили меня и младшую сестричку синичками, так как у нас были очень худые ножки.

Ну а потом мы перебрались жить в райцентр в Новосибирской области. Там мы окончили среднюю школу и разошлись по свету уже поодиночке. И уже потом вместе с мужем - военнослужащим Сергеем Васильевичем Кропивянским - волею судьбы оказалась в Одессе. Воспитала двоих детей, живем мы с ними в мире и дружбе. В настоящее время на пенсии, но продолжаю работать библиотекарем в ОНПУ.

Все-таки удивительно, как иногда нами распоряжается судьба. Николай Матвеевич ЛЫСЫЙ с детства мечтал о небе. В школьные годы зачитывался о воздухоплавании, увлекался авиамоделированием. К своей мечте шел уверенно. И уже весной сорок первого закончил Одесский аэроклуб, собрался поступать в Одесскую школу пилотов, которая готовила летчиков в истребительную авиацию.

СОЛДАТЫ НЕБА

- Прошла Первомайская демонстрация на Куликовом поле, а вскоре отзвенели и последние звонки для выпускников школ, - вспоминает ветеран, - Мы, вчерашние курсанты аэроклуба, ждали приема на школьный аэродром.

Но, вот не судьба. 22.06.41 началась война. И нашу Школу пилотов перебазировали в Среднюю Азию. И лишь только первыми днями августа колонна из 250 будущих истребителей выдвинулась по Николаевской дороге в Николаев. Далее, где машинами, где эшелоном, где пешком - до Ростова-на-Дону, в Таганрог, а из Таганрога - в Омск, где и собрались 5 школ летчиков. Там и началась подготовка к летной работе. Пришлось освоить 3 типа самолетов.

Окончив училище, я получил назначение на курсы командиров звеньев. Но тогда все рвались в бой, горели желанием поскорей встретиться с противником. Поэтому вместе с другом потребовали немедленной отправки во фронтовую авиацию.

Но так распорядилась судьба, что учился на летчика-истребителя, а попал в воздушную разведку. Гвардейский авиационный разведполк главного командования 2-го Белорусского фронта. Но нисколько не пожалел. Ведь те данные, которые мы добывали в воздушной разведке, напрямую были связаны с успешным и своевременным уничтожением противника.

В одном из полетов, разведав участок южного берега Балтийского моря, мой экипаж обнаружил караван немецких транспортных кораблей, которых сопровождали эсминцы, тральщики, в общей сложности 12 кораблей. Чтобы не обнаружить себя, нашему экипажу пришлось следовать до Кенигсберга, развернуться с востока на запад, при этом на развороте потерять высоту примерно 375 м. при этом увеличить скорость на 80 км, чтобы произвести фотографирование полуострова, живую силу и технику: корабли, зенитные средства. Подлетая к полуострову, внезапно впереди по курсу чуть было не попали под разрывы зенитных снарядов. Но все же нам удалось сделать фото-маршрут разведанных, сообщить в Ставку фронта. Вскоре в небе появились наши штурмовики Ил-2 и словно ястребы начали утюжить противника. Так что в разгроме каравана судов была и наша доля фронтового труда.

Разное случалось на войне, все не припомнить. Но каждый из боевых вылетов отчетливо сохранился в памяти. В одном из таких разведполетов

севернее Берлина мы были атакованы парой М-109. Решили от них оторваться на пикировании, но они не отстают, вот-вот срежут нас очередями. Что делать? У нас был категорический запрет вступать в бой с противником, вплоть до трибунала. Сведения воздушной разведки противника важнее всего для командования. Между тем геринговские асы наседают. И тут я вспоминаю: бомболюки! Здесь у нас были загружены агитационные листовки для немецких вояк, немецко-русские брошюры-словари. Командую штурману: люки! И в то же мгновение обзор немецким летчикам затмило громадное белое облако бумаги. Пока те соображали, что случилось, мы получили возможность для удачного маневра, и нас было уже не догнать...

Профессия военного летчика всегда сопряжена с опасностью, будь то война или мирные будни. В послевоенный период было много неприятных случаев: отказы двигателей в воздухе, приходилось продолжать полет на одном двигателе, полеты в сложных метеоусловиях, при ограниченной видимости, а также производить сложные посадки в дневных и ночных условиях. А еще не забуду пятьдесят второй год, который по праву могу считать годом моего второго рождения.

А дело было так. В 1952 году в Москве над аэродромом Тушино проводили подготовку ко дню Авиации. Но в воздушном параде мне принять участия не довелось, так как из-за начавшейся войны в Корее некоторым экипажам нашей части была дана команда возвратиться на базу в г. Тулу. При подлете к своему аэродрому, на высоте 600 м. к нам в строй вдруг врезаются 2 истребителя. В нашем строю, избегая столкновения, все начали разлетаться в разные стороны. И вдруг прямо передо мной появляется самолет с, как сейчас помню, бортовым номером 12. Мне не избежать удара, т.е. катастрофы. Мгновенное решение-действие: беру штурвал на себя, самолет становится вертикально вверх. Эта фигура в авиации называется «Колокол». За время существования авиации мало кто из такой ситуации выходил победителем: высота полета была слишком мала. По этой же причине нельзя дать команду покинуть самолет. Тем более, у меня на борту был техник, у которого отсутствовал парашют. Мысли работали со скоростью звука. Невольно посмотрел на штурмана, - а он белый, только утвердительно смотрит, мол, техника одного не оставим. Осталось только ждать, как поведет себя самолет. Скорость 0. Высота теряется, падаем на хвост.

К нашему счастью, машина начала опускать нос, пошло поступательное движение! Самолет начал слушаться рулей, скорость увеличивалась, начали набирать скорость. И уже только у самой земли на высоте 25-30 метров перешли на бреющий полет, сделав боевой правый разворот, произвели посадку. Вот так избежали воздушной трагедии.

У каждого из нас в жизни была своя мечта. Кто-то загадывал на будущее увлекательное жизненное приключение, иные фантазировали о несметных богатствах и мировой известности. Но жизнь, как правило, диктует свои условия достижения намеченного. Одно из которых – ставить перед собой реальные цели и следовать к ним изо дня в день.

*Конечно же, в детстве **Виктор Николаевич ПЕТРЕНКО**, как и все мальчишки, мечтал о разном. Но главным его увлечением была учеба. Понимал, что будущее – за образованными специалистами, которым под силу строить экономику молодой страны. И уже в старших классах средней школы поставил перед собой задачу получить высшее образование. Причем с обязательным условием. Его, херсонского паренька, давно притягивала своей романтикой Одесса. Поэтому попытаться счастья стать студентом хотел именно в Южной пальмире.*

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К МЕЧТЕ

- Но война ворвалась в мою жизнь, - вспоминает Виктор Николаевич Петренко, - И круто изменила ее в мои 15 мальчишеских лет, сразу же после сдачи экзаменов за 8-й класс. Ни специальности, ни жизненного опыта за плечами нет, одни лишь знания неполной средней школы, но суровое, грозное военное время сделало нас сразу на десяток лет старше. Отошли детские шалости, когда школьников с преподавателем физики отправили в совхоз «Велетень» Ново-Воронцовского района Херсонской области на срочную уборку урожая.

В начале меня приставили работать «сцепщиком» к трактористу. Рабочий день длился от зари до темна; ни рук, ни ног не чуял. Позже я понял, что придется пережить и более тяжелые физические и психологические нагрузки.

Вскоре меня сняли с этой работы, т.к. фронт перемещался с запада на восток, и поручили перевозку пшеницы с полевого тока на элеватор, что находился в городе Высокополье. Сделано всего две ходки с зерном к элеватору, как поступило распоряжение: «в связи с приближением фронта всех школьников срочно отправить в Херсон и приступить к срочной эвакуации имущества совхоза: скот, с/х технику, а остальное, что не удастся увезти – сжечь, уничтожить...».

Непрерывные налеты вражеской авиации требовали тщательной маскировки военной техники и личного состава. Мы, бывшие школьники, старались помочь красноармейцам, чем могли – приносили ветви деревьев, кустарников для этой маскировки. Ночью город погружался в зловещую темноту, т.к. очень строго соблюдалась светомаскировка.

В середине августа 1941 г. войска и городские власти полностью покинули город. Оставшееся в городе население бросилось на поиски продуктов, дабы спастись от голодной смерти, если удастся спастись от нее вообще.

19 августа 1941 г. в Херсон вошли фашистские войска, начались аресты, расстрелы заложников и просто невинных мирных граждан.

Пребывание под фашистским «новым порядком» оставило жуткое впечатление, напоминающее кошмарный сон. К непрерывной угрозе расстрела фашистами добавились голод, холод и скупые невыносимые для морального состояния сведения о тяжелых поражениях Советской Армии. Эти сведения мы получали по радио.

Надо заметить, что с приходом немцев было дано распоряжение сдать радиоприемники на склад. Но я в детстве занимался радиолюбительством в радиокружке. И я собрал радиоприемник, благодаря которому мы и получали сведения о положении дел на фронтах.

Что касалось проблемы с питанием, то мы ее решали следующим образом. При отступлении наших войск из Херсона власти не успели полностью вывезти из элеватора пшеницу. Ее остатки были высыпаны в Днепр. И вот жители, у кого были лодки, сооружали из мешковины большие сачки и крепили их к длинным жердям. Такими «черпаками» вылавливали со дна реки мокрую пшеницу, сушили и продавали ее недорого на рынках. Вначале пшеница еще не размякла и была пригодна к употреблению, но к середине зимы она практически вымокла, но ее все же вылавливали через проруби и замораживали. При необходимости пшеница размораживалась, варилась и пропускалась через мясорубку. Из такого месива пеклись «лепешки» и их ели вместо хлеба. Кроме этого продукция с огородов спасала нас от голодной смерти...

Попытки продолжить учебу потерпели крах: весной 1942г. в Херсоне вначале была создана гимназия, в которую я и пошел учиться, но, увы, месяца через 3 фашисты ее закрыли, узрев в лекциях преподавателей «большевистский дух». Позже был открыт автодорожный техникум, в который я тоже пошел учиться, однако и его постигла «судьба» гимназии.

С мечтой продолжить учебу пришлось расстаться. Надо было жить, а для этого пришлось пойти чернорабочим.

Освобождение от фашистов наша семья встретила в селе. Першотравневое 15 марта 1944года.

После освобождения – возвращение в Херсон с последующим призывом в ряды Советской Армии. Затем многократные эшелонные перевозки и марш-броски на северо-запад Союза. По прибытию в расположение 153 армейского запасного полка 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта началась новая жизнь: реабилитация через органы фильтрации, рутинная тыловая служба вперемешку с армейской учебой, марш-бросками и эшелонными перевозками вслед за быстрыми перемещениями фронта на запад.

Основные, самые динамичные события моей солдатской жизни начались после перехода фронта через Одер на подступах к Берлину, когда наш полк

был приближен непосредственно к фронту возле городка Зеликанте в первой декаде апреля 1944 г.

В ходе боевых действий приходилось быть участником и свидетелем многих поучительных случаев, когда солдатская смекалка оказывалась выше любой тактической выучки.

Между городками Зеликанте, где сосредоточилась наша дивизионная батарея, и Нейтреббин, где расположилась фашистская батарея, находится возвышенность, заросшая кустарниками. Наше командование в целях уточнения места расположения вражеской батареи, отправило на разведку корректировщика. Естественно, чтобы оставаться незамеченным, он должен был ползти по-пластунски. Поверхность песчаная, это и привело к тому, что в затвор автомата попал песок. Вдруг солдат заметил, что навстречу ему так же по-пластунски из кустов выползает гитлеровец. Наш корректировщик приготовил автомат к поражению врага, но затвор автомата заклинило. Солдат оказался весьма сообразительным и находчивым, вынул из-за пояса ракетницу, заряженную сигнальной ракетой, и выстрелил фашисту прямо в каску, оглушив его до потери сознания. Связав фрица, он приволок его на командный пункт. Немец был приведен в чувства и дал ценные сведения о месте расположения своей батареи.

Второй случай – как наши бойцы в буквальном смысле поджарили фашистов.

Под конец войны фашистская Германия исчерпала свои материальные ресурсы, и особенно горюче-смазочные материалы (ГСМ). Поэтому уже на подступах к Берлину встречались танки, которые без ГСМ не могли перемещаться, и фашисты закапывали их в землю, используя в качестве ДОТов.

И вот однажды командование нашей дивизии направило в тыл грузовую машину с группой солдат за горючим. Погрузив бочки с бензином на машину, отправились в обратный путь в свое расположение. Проезжая по автостраде, бойцы заметили фашистский танк, зарытый основательно в землю так, что его с расположения наших частей не было заметно. Оставлять такой «сюрприз» вблизи наших подразделений было недопустимым. Старший из группы сержант принял решение пожертвовать одной бочкой горючего во имя уничтожения огневой точки противника. Незаметно, чтобы не потревожить фашистов, сгрузили ее с машины, открутили пробку и пустили ее под откос прямо на танк. Чиркнули зажигалкой - и пламя быстро побежало прямо на броню. Ждать пришлось недолго: окрылись люки разгоряченной брони и из танка выскочили два ошалелых от жары фашиста, но их настиг автоматный огонь наших солдат. Вслед за этим выполз третий член танковой команды. Наши солдаты привезли его в свое расположение...

После раздела Берлина на секторы СССР, США, Англии и Франции, наша часть была отправлена за реку Эльбу в Зальцведель, где и несла службу по охране демаркационной линии с английской зоной оккупации.

В феврале 1946, по состоянию здоровья - резкое ухудшение зрения из-за нервного перенапряжения, - я демобилизовался. Вернулся в Херсон, где и

приступил к реализации своей мечты – получить высшее образование в Одессе и остаться жить в городе-герое. Судьба была ко мне благосклонна и позволила осуществить мои мечты - в 1952 году окончил Одесский политех и живу в городе-герое Одессе.

*Перед тем, как обратиться к военным воспоминаниям **Николая Павловича ПОХИЛО**, сделаем краткую экскурсию в его предвоенную биографию. После окончания энерготехникума в 1932 году, он работал на заводе им. Январского восстания. Одновременно, с 1934 года обучался на вечернем отделении электротехнического факультета Одесского индустриального института (так назывался Одесский политехнический университет до войны), который закончил в 1940 году. В августе этого же года был призван в Красную Армию и направлен в Армейский инженерный батальон, находившийся на территории Молдавии, прошел курс подготовки военных инженеров, по сути квалифицированных саперов. Там же изучал основы огневой подготовки и тактики.*

«ОТВАГА И СМЕЛОСТЬ САПЕРА ИЗВЕСТНЫ - ОН МОЖЕТ ПЕРВЫМ КАНУТЬ В БЕЗДНУ...»

- С 22 июня 1941 года наш батальон стал участником действующей армии, - вспоминает Николай Павлович Похилло. Правда, к тому времени меня уже перевели в политсостав на должность заместителя политрука роты. В дальнейшем служил политруком роты, заместителем командира роты по политчасти, секретарем партбюро батальона.

Наши саперы всегда находились в напряженной работе: после отхода наших войск минировали дороги, разрушали мосты, как например, наплавной мост через реку Южный Буг в Николаеве. При наступлении наших войск – разминировали подходы к вражеским укреплениям, укрепляли занятые рубежи, строили дзоты, укрытия, наблюдательный и командный пункты, дороги, деревянные мосты. Нередко саперы занимали огневые рубежи рядом с пехотинцами, подвергались минометному и артиллерийскому обстрелу. Все это помнят участники войны. Но есть отдельные эпизоды, особенно запомнившиеся.

Подводный мост

Летом 1942 года наш батальон оказался на берегу Северского Донца. Нашим войскам для маневра танками требовалось навести через реку переправу большой грузоподъемности. Обычный или наплавной мост легко обнаруживался противником. Тогда командованием было принято решение построить подводный мост, т.е. опустить верхнее строение моста под воду. Дело было новое и трудное. В работе принимал участие и наш батальон.

В соседнем лесу заготавливали большие бревна и с маскировкой доставляли их к месту строительства, где делали из них детали моста. Сваи забивали с помощью копров, установленных на плотках. При сигналах о приближении самолетов противника их уводили к берегам и маскировали. Для работы под водой использовались маски противогазов с дыхательной трубкой. Было глубоко, но трудились с энтузиазмом, забывая об отдыхе. Приказ был выполнен точно в срок. Было чувство гордости за причастность к постройке объекта.

Первое ранение

В конце сентября 1942 года в районе Майкопа моя рота занимает огневой рубеж рядом с пехотинцами. Задача – остановить наступающих немцев, рвущихся к главному перевалу Большого Кавказского Хребта. Немцы открывают по цепи минометный огонь. Осколок мины ранит тазобедренный сустав. Было ужасно обидно. С одной стороны, ранение угрозы жизни не представляет, жизненно важные органы не задеты, поэтому считается легким. А с другой – ходить-то совсем не могу, какая от меня польза в бою.

Так и оказался в госпитале под Гаграми, где хирурги сделали успешную операцию. Затем эвакуогоспиталь в Тбилиси, обучение самостоятельной ходьбе. После чего был направлен в резерв Закавказского военного округа.

Сапер ошибается только раз

Успешно завершилась Сталинградская битва. Наши части на Северном Кавказе теснят немцев по линии Краснодар - Новороссийск, захватывая рубежи один за другим. Командование резерва разрешает мне возвратиться в свою часть.

На возвышенной местности перед Новороссийском немцы устраивают большое минное поле – «голубую линию», которое предстоит разминировать нашему батальону. Днем подойти к нему нельзя из-за пулеметного обстрела. А вот ночь, несмотря на парашютные фонари, которые немцы подвешивают над полем, - наша. Саперы начинают разминирование. Предстоящее наступление вызывает такой подъем, что в разминировании участвуют и командиры, в том числе и я. Но, как водится, спешка до добра не доводит. Найдя мину, вынимаю взрыватель, который неожиданно взрывается. И вновь госпиталь...

Возвращение

Мирные будни для меня наступили в ноябре победного сорок пятого, когда я был демобилизован из армии. С января 1946 года работал в родном Политехническом институте ст. лаборантом, затем - ассистентом. В 1950/51 году, оставаясь ассистентом ОПИ, становлюсь одногодичным аспирантом в институте электротехники АН УССР под руководством С. А. Лебедева. Кстати, именно этот известный ученый с группой помощников закончил в 1951 году первую в Советском Союзе и континентальной Европе малую электронную счетную машину (МЭСМ).

В 1954 году в ОПИ началась, отвечающая требованиям времени, подготовка инженеров по автоматике, промышленной электронике и вычислительной технике. Началом была организация на электротехническом факультете кафедры автоматизации производственных процессов, которая в

1958 году была преобразована в профилирующую кафедру автоматики и телемеханики, положившую начало подготовки и выпуска инженеров по одноименной специальности. Тогда же на кафедре была начата приоритетная для ОПИ научная разработка систем электронно-тензометрического взвешивания (совместно с сотрудниками механического факультета) с последующим многократным внедрением разработок в народное хозяйство.

Благодарен судьбе, что имел честь принимать непосредственное участие в организации новшеств в качестве заведующего новых кафедр и декана новых факультетов (ФАВТ, ФАПЕ).

В Одесском политехе я проработал 45 лет. Это был главный период моей творческой жизни. Полностью перешел на пенсию в 1991 году, был удостоен звания Почетного ветерана ОНПУ.

Осенью 1940 года в девятнадцать лет Александр Ильич СМИРНОВ был призван на действительную военную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Особенности специальности военного связиста освоил очень быстро, так за плечами была учеба в Смоленском техникуме электросвязи. Но какие настоящие сложности и опасности таит в себе эта профессия, в полной мере прочувствовал на фронте, огненные версты которого прошел с первого и до последнего дня войны в составе Южного, Северо-Кавказского, Степного и 2-го Украинского фронтов.

«ПО ГОРАМ, ПО ЛЕСАМ, ПО ПОЛЯМ ФРОНТОВЫМ МЫ, ВОЕННЫЕ СВЯЗИСТЫ, МНОГО ТРУДНЫХ ВЕРСТ ПРОШЛИ...»

- В военные годы мне приходилось исполнять обязанности и радиста, и электромеханика, и командира радиовзвода, и руководителя ремонтной бригады, - вспоминает Александр Ильич. - Особенно напряженная боевая работа ложилось на плечи специалистов-ремонтников. Наша «летучка» обслуживала воинские части и подразделения связи передовых линий фронта. Каждый выезд проходил в различной боевой обстановке. Нередки были случаи, когда и нам, связистам-ремонтникам, приходилось вступать в бой с противником, наравне с пехотой делить все «радости» окопной жизни.

Боевое крещение

Все знают, насколько тяжелыми были первые месяцы войны. Удрученные, если не сказать больше, поражениями, разрозненные части и подразделения красноармейцев пытались выйти из окружения. Под командованием генерала И. Галанина мы прорывались к паромной переправе на Южном Буге. Но немец буквально утюжил нас авианалетами и артобстрелом. Скорость продвижения была ничтожной, так как приходилось постоянно отражать атаки противника. Для усиления обороны экипажи спецмашин залегали в наспех отрытые окопы, чтобы дать возможность технике оторваться от преследующего врага. До сих пор удивляюсь, как нам удалось

противостоять превосходящим силам противника. И, тем не менее, выход из окружения был успешно завершён, связь войскам обеспечена. О том первом настоящем боевом крещении мне напоминает медаль «За Отвагу».

Чудеса на виражах

Во время войны дело связиста бросало по разным участкам фронтов. Для войск потерять связь управления равнозначно поражению. Поэтому мы, связисты, как в песне поется, «по горам, по лесам, по полям фронтовым много трудных верст прошли...» Нередко случай забрасывал и в небо. Из одной такой переделки я еле вышел живым. Вернее, еле приземлился цел и невредим. А дело было так.

Венгрия. Приказ – выехать в район озера Болотон в конно-механизированную группу генерала Плиева и выполнить ремонт средств связи. В кратчайшие сроки часть работ была выполнена, но в радиостанции РСБФ требовалось заменить динамомашину ГСК-1000. А она есть только на нашей базе. Время поджимало, поэтому нам выделили почтовый самолет «У-2».

И вот уже с необходимой запчастью летим обратно к кавалеристам. Вдруг из-за клубящихся облаков на нас обрушивается «Мессершмит». Ну что такое «этажерка» против боевого истребителя?! Но, как говорится, мастерство не пропьешь. «У-2» пилотировал бывший летчик-истребитель старший лейтенант (к сожалению, запомнил, как его звали), награжденный двумя орденами Боевого Красного знамени. Из-за ранений его перевели в «малую» авиацию. Если б кто видел, какие чудеса он вытворял в воздухе! Немец просто не успевал определиться, где наша «ушка» - столь мастерски выписывал виражи наш пилот! Ну а когда мы продолжили полет на предельно малой высоте, «Мессер» просто побоялся далее нас преследовать из-за опасности удариться о землю.

Связь у кавалеристов была восстановлена. За выполнение этого задания нас с пилотом наградили орденами «Красная звезда».

Сколько себя помнит, Григорий Лаврентьевич ТРОЯН свою жизнь мечтал посвятить армейской службе. С завистью засматривался на подтянутых военных, с мальчишками в играх громил врагов. А когда подрос, стал основательно готовиться к поступлению в военное училище. И своей цели добился – после окончания школы стал курсантом Ростовского военного пехотного училища. С первых курсантских дней Григорий полностью отдавался учебе и службе, его старание заметили – и всего лишь через месяц назначили заместителем командира взвода.

Командование нередко отмечало молодого курсанта за успехи в учебе и службе. Но главной наградой стало назначение старшиной курсантской роты. В те времена такую ответственную должность доверяли, как правило, только опытным младшим командирам, прошедшим до училища армейскую закалку. Но уже тогда наставники заметили в курсанте Трояне черты, присущие будущему генералу, и в своем выборе не ошиблись.

ОТ КУРСАНТА – ДО ГЕНЕРАЛА

- Кто знает, как в дальнейшем сложилась бы моя армейская биография, - вспоминает генерал-майор в отставке Григорий Троян. – Учеба в училище шла своим чередом, до офицерских званий было еще далеко, а мы уже мечтали о маршальских жезлах.

Но вот наступило тревожное 22 июня сорок первого года. Наше училище подняли по тревоге и перебросили в район боевых действий между городами Таганрогом и Ростовом-на-Дону.

В течение двух месяцев велись упорные бои, противник, имея численное превосходство, овладел Ростовом-на-Дону. Сами можете представить, насколько нелегко приходилось нам, совсем еще необстрелянным вчерашним курсантам. И, тем не менее, уже в декабре 1941 года наше училище с другими военными частями и соединениями освободили столицу Северного Кавказа и погнало противника к реке Миус, Матвееву Кургану.

За несколько первых месяцев войны мы понесли большие потери. Сам не знаю, как уцелел в той мясорубке, ведь однокурсников мог уже по пальцам пересчитать. И вскоре из нашего и Ташкентского училищ была сформирована отдельная 102-я курсантская бригада, которая в дальнейшем вела боевые действия на разных направлениях сдерживания противника, рвавшегося к Северному Кавказу. Я в это время уже командовал стрелковым взводом. Вот тогда и получил первое ранение.

После выздоровления получил назначение командиром взвода автоматчиков в отдельную 99-ю бригаду, которую только что сформировали и направили под Сталинград. После разгрома в 1943 году Сталинградской группировки противника, меня направили в 248-ю стрелковую дивизию в 899-й стрелковый полк, на должность командира разведроты.

В течение трех месяцев наша дивизия готовилась к большой наступательной операции. Командир дивизии вызвал меня и приказал: во что бы ни стало, необходимо добыть «языка».

После тщательной подготовки, в ночное время я с группой разведчиков (5 человек) ворвались в траншею противника, захватили немецкого офицера, который и сообщил нашему командованию полезные сведения. Все участники того рейда были награждены медалями...

После прорыва немецкой обороны наша дивизия потеряла восемьдесят процентов личного состава. Бои давались очень нелегко. Но вскоре к нам поступило подкрепление, и мы продолжили развивать наступление.

... Шел сорок четвертый год. Мы уже освободили города и села Донецкой, Запорожской, Херсонской, Николаевской, Одесской областей, а в апреле - и Одесса стала нашей! Кстати, среди Почетных граждан города-героя есть и наш командир дивизии генерал-майор Николай Захарович Галай.

Жаль, что мне не довелось принять участия в освобождении Южной пальмиры: в третий раз был ранен между Херсоном и Николаевом. И, тем не менее, судьба привела меня на Французский бульвар. После окончания Великой Отечественной войны меня направили для прохождения дальнейшей

службы в Одесский военный округ. Здесь я служил начальником бригадной школы, затем – дивизионной; командиром учебного батальона, заместителем командира учебного полка, затем - военным комендантом Одесского гарнизона, военным комендантом г. Лейпциг.

Несмотря на пройденные большие трудности армейской жизни, если бы мне вновь было 17 лет, я с гордостью и радостью снова избрал бы профессию военного и служил бы нашей Родине и народу с честью.